

В РАЗВЕДКУ С ЧЕШИРСКИМ КОТОМ

МГИМО — КУЗНИЦА ДИПЛОМАТОВ И РАЗВЕДЧИКОВ

— Начнем с того, как вы стали шпионом.

— Мой папа с 1918 года служил в ЧК, прошел всю войну в «СМЕРШе», работал в военной контрразведке до 1951 года. Так что я неплохо знал чекистскую публику — там встречались и тупые, и мрачные, и блестящие персонажи. Но желания идти по стопам отца у меня никогда не было, да и он этого не хотел: мечтал, чтобы я стал архитектором. Я очень много читал и к десятому классу из Куйбышева, где заканчивал школу, решил двинуться в Москву, в МГИМО, стать великим дипломатом и перешпунуть самого Талейрана. Поскольку я получил золотую медаль, в МГИМО поступил без проблем. Между прочим, в те годы о советской разведке никто не говорил, она вроде бы существовала только во время войны. В МГИМО тоже на тему разведки было наложено табу. В институте я начал писать прозу и всерьез подумывал о писательской стезе. В 1957 году грянул международный фестиваль молодежи. Я работал переводчиком со шведами, из круга моих начальников быстро вычислил чекиста и предложил свои услуги в борьбе с западным империализмом. Он отреагировал сначала вяло, а после фестиваля попытался использовать меня для установления контактов с иностранными дипломатами (правда, никаких ощутимых результатов не получилось). А в 1958 году меня направили по линии МИДа в консульский отдел нашего посольства в Хельсинки.

— Ваше первое «дело».

— Какое там «дело»? Тогда было время сверхбдительности, помнится, я долго боялся подходить к русским прилавкам с эмигрантскими книгами — а вдруг там меня завербуют враги советской власти! Пришлось купить «Доктора Живаго» Пастернака на английском языке. В посольстве мидовцы вырезали заметки из газет и на их основе писали справки, а сотрудники КГБ и ГРУ мотались в городе на иномар-

ках и собирали информацию от своих источников. А я вообще страдал в консульстве, штемпелюя визы. Так что в Финляндии я понял, что быть дипломатом скучно — ведь меня тянуло на авантюры! Тут и положила на меня глаз разведка КГБ. А первое «дело»... я помню прыщавую, худосочную финку, она работала в американском посольстве, мне поручили начать ее изучать. Консул, мой начальник — подполковник КГБ, меня постоянно страдал: «Только не вздумай ее соблазнять! Мы это все равно узнаем!» А соблазнять ее и так не было ни малейшего желания: страшна как смерть. Потом мне предложили работать в разведке и отправили в Москву на спецучебу.

БАБА С ВОЗУ — ШПИОНУ ЛЕГЧЕ

— Интересно: там обучали пить и не пьянеть, красиво соблазнять и влюблять в себя женщин?

— Ни в одной разведке этому не учат. Обычно эти функции поручают специальным агентам, чтобы не ставить кадровых сотрудников под удар. А вот агенты могут соблазнить и жену посла, и его секретаршу, маскируя это под любовь. Агент может исчезнуть, а куда ты исчезнешь из посольства, если ты под дипломатической «крышей»? Вообще использование сексуального фактора разведкой серьезно преувеличено прессой. Вот контрразведка ничем не рискует, подставляя своих агентесс иностранцам. Например, англичане подбросили одному разведчику даму, он блаженствовал с нею в постели, и вдруг в квартиру врываются с фотоаппаратами, бедный разведчик вскакивает голый, пытается надеть трусы, на них наступают ногой...

— В вашей жизни такое было?

— Нет. Я от иностранок старался бежать подальше, особенно от красивых и инициативных. У меня были женщины, которых я вербовал и в Дании, и в Англии, но как правило, — на идейной основе: они хотели помогать СССР в борьбе за мировой социализм. Денег не брали, но подарки принимали. А платил я только один раз: на связь мне передали заслуженную бабушку — агентессу, во время войны ей дали даже орден Ленина за работу, а теперь я выплачивал ей пенсию...

— И чем они могли помочь в строительстве мирового коммунизма?

— Женщина может помочь всем. И мужа завербовать, и брата, и друга. Даже уборщица, скажем, в министерстве обороны всегда может поставить «жучки», вы-

нуть из корзины обрывки бумаг. Ну, а если женщина носитель секретной информации...

— Когда вы засылались за кордон, вам давали явки, пароли?

— Я работал под дипломатической «крышей». Иногда выходил на явки с агентурой и использовал пароль. Публике почему-то кажется, что разведчики только и бегают по явкам. На самом деле работа разведчика очень похожа на работу журналиста, и для сбора информации широко используются официальные контакты, а не только агенты.

— А как передавали информацию? У вас была своя «радиостанция Кэт»?

— Поменьше надо смотреть кино про Штирлица. Существуют более надежные дипломатические каналы, имеются шифровальные машины, «расколоты» которые практически невозможно.

— Ну, а то, что показывают в кино, хоть как-то напоминает работу шпиона?

— Очень отдаленно. Например, Штирлица — вернее, полковника Исаева — не было. Не было агента такого калибра, да к тому же еще и русского. То, что показано в «Щите и мече», вообще сказка. Якобы это полковник Абель, но на самом деле тот всю войну учил в Москве радиоделу наших партизан. После войны он отправился нелегалом в США, там его предал другой нелегал; Абель попал в тюрьму, держался мужественно, в 1961 году его обменяли на летчика-разведчика Пауэрса.

Вообще советская разведка была самой мощной. Где еще такой букет агентов в Форин Офисе! Была «Красная капелла» в Германии — героические агенты, но все они были немцами. Кадровые разведчики-нелегалы были в Бельгии и Франции, но немцы уже к 1942 году их запеленговали и арестовали. После войны этим разведчикам еще пришлось помываться по советским тюрьмам. А «радиостанция Кэт» на самом деле существовала в основном на оккупированной советской территории. Многие разведчики совершали подвиги, например, взорвали в Минске фашистского гауляйтера фон Кобе.

— И сколько лет вы были шпионом?

— Почти 25 лет.

— А сама удачная операция?

— Кое-что было. Приличные вербовки, в том числе шифровальщиков, например. Были удачные дезинформационные акции по отношению к НАТО.

— Михаил Петрович, как вы считаете, кто лучший ваш коллега всех времен и народов — не по фильмам, не по слухам, а по-настоящему? Абель, Зорге, Молодой?..

— Я вообще считаю, что в 20 — 30-е годы русская разведка была самой лучшей в мире. Не потому, что там были сверхестественные люди, просто они были одержимы идеей построения коммунизма. Они опирались на Коминтерн, до смерти Сталина разведки активно сотрудничали с зарубежными коммунистическими партиями. При Хрущеве нам запретили работать с коммунистами, ибо это их компрометировало. И Абель, и Молодой стали известны после того, как провалились. Печальный парадокс и несправедливость: мир узнает разведчиков после провала. А есть разведчики, которые прекрасно работали, и о них никто не знает до сих пор. С моей точки зрения, самый потрясающий наш разведчик — это Дмитрий Быстролетов, нелегал, типично русский авантюрист, путешественник. Он работал как раз в 20 — 30-е, в 1935 году был арестован и просидел в нашей тюрьме до 1954 года. Потом работал в каком-то институте, выпустил несколько книг (не о разведке, тогда эта тема была запретной). Одна из его самых известных операций, когда он под видом парализованного английского лорда перевез из Рима в Берлин пулемет новейшей модели. Его «сиделка» в купе играла роль монашки и, когда появлялись пограничники, читала молитвы.

— Знаменитая операция «Туннель» с прослушиванием переговоров наших штабистов из группы советских войск в Германии...

— Мы узнали о подкопе от нашего выдающегося агента Джорджа Блейка, который работал в английской разведке. Операция англо-американцев рухнула, не успев начаться. Сейчас англичане написали, что в Карлхорсте, штаб-квартире Западной Группы войск, работали немцы-мусорщики, связанные с английской разведкой. Они опорожняли урны и передавали своим хозяевам обрывки секретных документов и даже чертежей на ватманской бумаге, которые использовались военнотружниками в качестве туалетной бумаги. Вот к чему приводит дефицит!

— Но ведь можно было вести дезинформационную игру с использованием туннеля.

— Тогда пришлось бы включить в нее всех обладателей телефонов, а это невозможно. Поэтому решили «обнаружить» туннель и устроить шумный скандал в прессе.

— Интересно, сколько получает наш разведчик?

— Да немного. В 1976 году я, будучи резидентом и советником посольства, полу-

Михаил Петрович Любимов всю жизнь мечтал быть писателем. А стал шпионом. И все-таки экс-полковник разведки КГБ, уйдя на пенсию в 80-м году, поставил несколько пьес и опубликовал несколько романов. Хотя во время своей той карьеры он, по собственным словам, якобы не соблазнил ни одной женщины, никого не пристрелил, а его никто не споил, — почему-то теперь персонажи его шпионских романов квасят, прелюбодействуют и стреляют. Например, в романе «И ад следовал за ним» главный герой делает и то, и другое, и третье, а его жена путается с начальником. Зато последняя книга — «Гуляние с Чеширским Котом», выпущенная питерским издательством «Амфора» и приуроченная к книжной ярмарке в сентябре, посвящена... английской душе. Что интересно: дома у него живет настоящий чеширский кот, который намного красивее Чеширского Кота из «Алисы в стране чудес».

Всего клуб
-2001.-24авг.
-с.15

чал примерно 500 долларов. Так что за богатством в разведку лучше не ходить, особенно, сейчас.

АЛЕКСАНДР ЛЮБИМОВ ШПИОНИЛ С ДЕТСТВА

— Михаил Петрович, а почему ваш сын Саша пошел не в шпионы, а в тележурналисты?

— Он помогал мне шпионить еще когда был в полке. Иногда перед операцией я вместе с женой вез коляску в парк, усыпляя бдительность наружки, а там уже уходил по своим делам. Потом, когда он стал повзрослее и гостил у меня летом в Копенгагене, то притаскивал эмигрантские книжки, которые подбрасывали нашим морякам антисоветчики. То Солженицына притащит, то Библию, то журнал «Континент». О том, что я кадровый разведчик, он узнал лет в двенадцать. Мы как-то ездили по Подмосковию и решили сфотографироваться у красивого моста. И тут к нам подваливает какой-то старый хрыч с берданкой, начинает орать, мол, стратегический объект. Пришлось показать ему удостоверение. Саша сделал вид, что ничего не заметил, но ночью залез ко мне в карман, достал удостоверение и прочитал, что я майор КГБ. Так он меня «расколот».

— Сколько известно, вас выслали из Англии как персону нон грата.

— Сначала пытались меня завербовать, подсади к столу в пабе, стали уверять, что обо мне им «все известно, и карьере моей пришел конец».

— Предлагали фантастические деньги?

— До этого дело не дошло. Я возмутился, закричал, что это провокация, и ушел. Когда наш посол пришел в Форин Офис с нотой протеста по поводу провокации, министр достал свою ноту и заявил, что деятельность господина Любимова несовместима со статусом дипломата. И меня выгнали... Но потом я работал в Дании. Кстати, в 1976 году моим заместителем был ныне известный беженец от КГБ Гордиевский. Впоследствии выяснилось, что он уже в то время был агентом английской разведки. Сейчас он вроде пресс-центра английской разведки в Лондоне, поливает КГБ и СВР с поводом и без повода.

— И последний вопрос: а как ваш чеширский кот относится к шпионажу.

— Он терпеть не может шпионов — предпочитает мышей. Я исключение — все-таки я уже давно на пенсии...

Беседовал
Андрей КОЛОБАЕВ